

менная наука совѣмъ перестала пользоваться, или ложные взгляды на постановку знанія, какъ напр. въ обѣихъ программахъ литературы, гдѣ составители придерживаются того взгляда авторитетности, по которому въ кругъ обученія ни подъ какимъ предлогомъ не должно быть допущено все то, что еще окончательно не опредѣлилось. На этомъ основаніи въ нашихъ школьных программахъ не допущена вся литература новаго періода, начиная съ Бѣлинскаго, въ разбираемыхъ же нами программахъ литература доведена только до семидесятыхъ годовъ и то съ большими, необъяснимыми пропусками, причемъ въ нее не включена развившаяся въ послѣдній тридцатилѣтній періодъ дѣлая отрасль литературы—критика, имѣвшая замѣчательно яркихъ представителей, а также нѣтъ указаній на развитіе періодической печати. Если все это въ школѣ не умѣстно, то вѣдь рѣчь идетъ не о школѣ, а о настоятельныхъ требованіяхъ самой жизни. Кто и что стоитъ поперекъ этихъ программъ, кромѣ самихъ составителей?... Можно бы нѣкоторыми своими понятіями и поступиться для общаго дѣла. Московская программа по литературѣ не имѣетъ полного курса, а петербургская страдает той односторонностью, что подъ литературою разумѣтъ одинъ видъ ея, а именно — беллетристику съ относящеюся къ ней эстетическою критикой. Это весьма странно, странно тѣмъ болѣе, что въ составленіи программы принимали участіе такіе литераторы-критики, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать болѣе широкаго и прогрессивнаго отношенія къ дѣлу. Вообще обѣ программы отличаются замалчиваніемъ такихъ научныхъ и литературныхъ фактовъ, которые весьма важны и нерешивѣсны. Такимъ образомъ, составители программъ становятся похожи на авгуры.

Мас.
10463

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Убіѣство» рассказъ А. П. Чехова. («Русск. Мысль»).

Путешествіе на Сахалинъ дало, какъ видно, Чехову фабулу для рассказа „Убіѣство“ появившагося въ № 11 „Р. М.“. Это убійство печальное, совершенное въ запальчивости, какое можетъ случиться со всякимъ, а потому личность преступника представляетъ большой психологическій интересъ. Самъ по себѣ фактъ въ данномъ случаѣ не играетъ большого значенія, а важны причины вызвавшія его и затѣмъ—послѣдствія, сопровождавшія его.

Въ рассказѣ выводятся два брата—Тереховы—Яковъ и Матвій съ сестрой Аглаей и дочерью Якова—Даней. Всѣ они живутъ въ лѣсу на постоянномъ дворѣ, причемъ старшій—Яковъ, ведетъ все хозяйство, а болѣзненный Матвій живетъ ничего не дѣлая. Оставшійся отъ отца капиталъ въ 30.000—не раздѣленъ и все находится въ дѣлѣ. Яковъ стремится владѣть имъ нераздѣльно. Изстари родъ Тереховыхъ отличался религіозностью: дѣды и отцы братьевъ были частью раскольники, частью православные. Яковъ съ Аглаей держался старой вѣры, самъ служилъ у себя обѣдин и всенощный, замѣняя священника, а сестра изображала пѣвчаго и выводила тоненькимъ голосомъ, какъ „вишюшка“: „Господи помилуй!“ Матвій былъ православный и радшія брата приходились ему не по сердцу, а потому онъ являясь въ молельную, кричалъ: „Образумьтесь, братецъ! Братецъ, образумьтесь!“ Порядокъ нарушался, потому что Аглая, не любившая Матвія, часто сдѣлывалась съ нимъ. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, молившіеся просто ожидали ухода Матвія. Послѣдній и самъ впадалъ въ ересь, но образумился во время. Случилось это такъ: поступилъ онъ на паразитный явводъ, рѣзко отличался отъ другихъ рабочихъ тѣмъ, что не пилъ, не курилъ и велъ воздержан-

ную жизнь. Все свободное время онъ молился и читалъ священныя книги. Для молитвы онъ напаялъ себѣ маленькую комнатку на концѣ города, у одной старухи. Въѣсть о его хорошей жизни разнеслась далеко и къ Матвѣю стали приходять старухи и дѣвушки для совѣстнаго моленія. Увѣряли даже, что Матвѣй исцѣляетъ недуги. На самомъ дѣлѣ этого не было. Онъ только больше и больше молился дома, потому что сталъ находить разные недостатки въ церкви: то служба не хороша, то поютъ дурно, то невнятно читаютъ. Пошелъ Матвѣй исповѣдываться, и опять не ладно: нѣтъ подходящаго священника, — одинъ, — табачникъ, другой — пьющій, третій — шуршитъ шелковой рясой, какъ дама платьемъ. Поѣхалъ въ монастыри. И тамъ не лучше. Такъ и не говѣлъ. Зато радѣніе увеличилось до полутора сутокъ. Однажды онъ почувствовалъ при этомъ такое дрожаніе въ ногахъ, что онѣ сами собою стали подпрыгивать. За Матвѣемъ стали скакать женщины и всѣ закружились и забѣгали по комнатѣ. Результатомъ такихъ радѣній явился у Матвѣя ребенокъ отъ одной дѣвушки. За Матвѣя взялся его хозяинъ, заперъ его въ комнатѣ и усовѣщевалъ его часа два, доказавъ, что онъ вовсе не праведникъ, а блудникъ и еретикъ. Пропалъ его, Матвѣй зарыдалъ, понявъ, что онъ заблудился и обѣщалъ жить какъ всѣ, одѣваться какъ всѣ и молиться какъ всѣ... Съ тѣхъ поръ, Матвѣй ушелъ изъ завода, отдавъ всѣ скопленные имъ деньги — 900 руб. беременной отъ него дѣвушкѣ. Поселившись у брата, онъ сталъ образумивать и того.

Это мѣсто разказа Чехова и вся личность Матвѣя, очень типичны и вообще могутъ относиться ко многимъ сектантамъ проповѣдникамъ и толкователямъ слова Божія.

Образумить брата Матвѣю не удалось, онъ только озлоблялъ его противъ себя, а когда сталъ просить себѣ выдѣла капитала, то раздражилъ еще больше. Деньги-же понадобились Матвѣю, затѣмъ,

чтобы дать въ займы стаціонному буфетчику — Сергѣю Никаноровичу. Яковъ отмолчался на просьбу брата, а потомъ поѣхалъ въ близкую деревню. Въ груди его росло глухое раздраженіе. Яковъ задержалъ въ пути обозъ. Ему вдругъ не захотѣлось ѣхать дальше и онъ вернулся домой. У Матвѣя были гости: жандармъ и буфетчикъ. Первый скоро ушелъ. Яковъ подумалъ, что ушли оба, пошелъ безъ гѣсенія молиться. Явился Матвѣй съ съ укоризнами и нарушилъ молитву. Яковъ сжалъ кулаки и вышелъ чонъ.

„Такъ же какъ давеча на дорогѣ, чуя стаяя себѣ громадныхъ страшишекъ въѣремъ, онъ прошелъ черезъ сѣни въ сѣрную грязную половину, гдѣ обыкновенно мужики пили чай и долго ходилъ изъ угла въ уголъ, такъ что звенѣла посуда на полкахъ и шатались столы. Ему было ясно, что самъ онъ не доволенъ своею фрой и уже не можетъ молиться, но прежнему. Надо было каяться, надо опомниться, образумиться, жить и молиться какъ то иначе; а можетъ быть все это смущаетъ только бѣсъ и ничего этого не нужно. Какъ быть? Что дѣлать? Кто можетъ научить? Какая бессиленность! Онъ остановился и, взиравъ на голову, сталъ думать, но то, что близко находилъ Матвѣй, мѣшало ему покойно соображать. И онъ быстро пошелъ въ комнаты, чтобы выгнать брата изъ дому.

Матвѣй сидѣлъ въ кухнѣ передъ чашкой съ картофелемъ и ѣлъ. Тутъ же около печи сидѣли другъ противъ друга Аглая и Дашутка и мотали нитки. Между печью и столомъ, за которымъ сидѣлъ Матвѣй, была протянута гладкая доска; на ней стоялъ холодный утюгъ.

— Сестрица попросилъ Матвѣй: позвольте мнѣ масла.

— Кто же въ такой день масло вѣтъ? спросила Аглая.

— Я, сестрица, но монахи, а мирянинъ. А по слабости здоровья мнѣ на то что масла, даже молоко можно.

— Да, у насъ на заводѣ — все можно.

Аглая достала съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвѣемъ, сердито стукнувъ, съ

злорадною улыбкой, очевидно, довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А и тебѣ говорю, ты не можешь бить масла! крикнулъ Иковъ.

Агла и Данутка вдрогнули, а Матвѣй точно не слышалъ, налилъ себѣ масла въ чашку и продолжалъ бить.

— А и тебѣ говорю, ты не можешь бить масла! крикнулъ Иковъ еще громче, покраснѣвъ весь и вдругъ схватилъ чашку, поднявъ ее выше головы и изъ всей силы ударилъ о землю, такъ что полетѣли черепки. — Не смѣй говорить! крикнулъ онъ пенетовиамъ головами, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова. — Не смѣй! — повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу. Матвѣй поблѣднѣвъ и всталъ.

— Братецъ! сказалъ онъ, продолжая жемствъ. — Братецъ, — опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома, сѣю же зануту! крикнулъ Иковъ. Ему были противны его морщинистое лицо и голосъ, и крошки на усахъ и то, что онъ жуеъ. — Вонъ тебѣ говорить!

— Братецъ, уймись! Вась обуяла гордость бѣшеная.

— Молчи! (Иковъ выстучалъ ногами) Уходи дьяволъ!

— Вы, окаяннѣе жалеете янать, продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться: — вы — богоотступникъ и еретики. Всѣмъ окаяннымъ желаннымъ отъ насъ истинный свѣтъ, ясна молитва не угоди Богу. Покайтесь, пока не поздно. Смерть грѣшника лютъ. Покайтесь, братецъ!

Иковъ всталъ его за плечи и потанцилъ изъ за стола, а онъ еще больше поблѣднѣвъ и — испугавшись, смущившись, забормоталъ: „Что-же оно такое? Что-же оно такое?“ — и упираясь, дѣлами упира, чтобы высвободиться изъ рукъ Икова, нечаянно ухватился за его рубаху около пояса и порвалъ воротникъ. Агла показало, что онъ хочетъ бить Икова. Она вскрикнула, схватила бутылку съ постылымъ масломъ и изъ всей силы ударила ею невиннаго брата прямо по темени. Матвѣй подпрыгнулъ и лицо его въ одну минуту стало спокойнымъ, равнодушнымъ. Иковъ, тяжело дыша, возбужденный и немыслимъ удовольствіемъ отъ того, что бутылка, ударившись о голову, кракнула,

какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнилъ очень хорошо) указалъ Агла пальцемъ на утробу и только когда полилась по его рукамъ кровь, и послышался громкій плачь Данутки и, когда съ шумомъ упала гладильная доска и на нее грудно повалился Матвѣй, Иковъ пересталъ чувствовать злобу и понять, что произошло⁴.

Всѣхъ участниковъ убійства затѣмъ судили и сослали въ Сибирь. На Сахалинъ прибыла партія преступниковъ въ числѣ которыхъ находился и Иковъ. Онъ напряженно всматривается въ ту сторону, гдѣ находится его родина.

„Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми, принадлежащими сюда съ разныхъ концовъ, съ русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями и съ тѣхъ поръ, какъ прилунился къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ вознестись къ Богу, и ему казалось, что онъ наконецъ узналъ настоящую вѣру, ту самую, которую онъ такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта проклятая вѣра, которую другіе получаютъ даромъ отъ Бога вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого... Снова тѣмъ онъ видитъ родину, видитъ проклятую (станцію, близъ его бывшаго жилья), видитъ темноту, дикость, безсѣрдочіе и тупое, оуровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ. Зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль и сердце помпало отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, рассказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ гибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день.“

Памъ кажется, что психологія — то Икова и не ясна. Во первыхъ: моментъ изступленія Икова является недостаточно подготовленнымъ, ибо Тереховъ — мужикъ доглый вполне уравновѣшенный, не

страдавший невронатіей, а слѣдовательно первы его не могли подняться такъ высоко по незначительному поводу, затѣмъ — переходъ къ уразумѣнію Бога и совѣмъ не охарактеризованъ. Какъ же это такъ: все не зналъ, не зналъ истиннаго Бога, а тутъ вдругъ позналъ и захотѣлъ даже вразумить другихъ? Окончаніе является совѣмъ туманнымъ и не развитымъ, а между тѣмъ здѣсь то и лежитъ гвоздь разсказа. Въ общемъ хорошее намѣреніе автора дать характеристику убійцы по печальности, не получило яснаго выраженія, а потому и оставляетъ въ читателѣ неудовлетворенное чувство.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Переписка Мопассана съ Башкирцевой.

Извѣстно, что эксцентричная Марія Башкирцева, надѣлавшая много шуму своимъ оригинальнымъ „Дневникомъ“ переписывалась со многими знаменитостями. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за ноябрь напечатана ея переписка съ Гюи де-Мопассаномъ, который никогда не видѣлъ въ лицо свою корреспондентку. Впечатлѣніе отъ переписки не въ пользу Башкирцевой. Она и тутъ, какъ въ дневникѣ своемъ, является развращенной дѣвушкой, способной на самыя странныя выходки. Смертельная болѣзнь, подтачивавшая ея силы, не мѣшаетъ ей постоянно любоваться собой, не только своимъ умомъ и талантомъ, но красотою, хотя она и принимаетъ разные способы, чтобы сбить Мопассана съ толку, принимаетъ напр. тонъ мужчины и пишетъ въ VII письмѣ:

Я воспользовался свободнымъ временемъ на святой недѣлѣ, чтобы перечитать полное собраніе вашихъ сочиненій. Вы смѣлы,—это безспорно. Я никогда раньше не читалъ васъ цѣликомъ, въ одинъ пріемъ. и потому мое впечатлѣніе почти свѣтло. И впечатлѣніе это таково, что вы, право, злоупотребляете этими... этимъ... этимъ... актомъ, благодаря которому міръ продолжаетъ свое существо-

ваніе. Я не умѣю сказать, какому богу я служу; но вашъ богъ, очевидно, этотъ... этотъ странный символъ, который такъ почитали еще въ отдаленной египетской древности. Чортъ возьми! того, что я говорю, достаточно, чтобы избудоражить всѣхъ вашихъ лицестовъ и переколотить всѣ католическіе монастыри! Что до меня, то хотя я отнюдь не ценетилень и читалъ самыя предосудительныя сочиненія, я смущень, да милостивый государь, смущень этимъ грубымъ влеченіемъ вашей души къ тому, что Дюма — емгъ называетъ *любовью*. Съ теченіемъ времени это у васъ станетъ настоящей маноманіей. А это было бы такъ, потому что вы такъ богато одарены и ваши крестьянскіе разсказы такъ сильны...

Принявъ намѣренію тонъ стараго учителя-моралиста Башкирцева сама того не подозрѣвая, затронула самое больное мѣсто Мопассана. Послѣдній и отвѣтилъ своей корреспонденткѣ въ самомъ свободномъ стилѣ и какъ мужичиѣ-учителю на *ты*.

Знаешь ли ты, что для учителя, которому ввѣрены молодыя невинныя существа, ты говоришь мнѣ довольно—таки сильныя вещи? Какъ! Ты совѣмъ не ценетилень? Ни въ своемъ чтеніи, ни въ сочиненіяхъ, ни въ словахъ, ни въ твоёмъ поведеніи? А? Я такъ и подозревалъ!

Итакъ, ты, вѣроятно, хочешь, чтобы я указалъ тебѣ разныя интересныя мѣстечки. Изволь.

Даже въ письмѣ слѣдовали, опущенныя редакціей „Сѣв. Вѣстника“, указанія съ точнымъ обозначеніемъ адресовъ разныхъ увеселительныхъ мѣстъ самаго низшаго разбора. Сдѣлавъ это Мопассанъ пишетъ:

Я говорю тебѣ объ этомъ, какъ истинный знатокъ, потому что возвратившись вѣтра изъ Каннъ, поспѣшилъ одѣлать свой инспекціонный смотръ.

Но ты думаешь, что все это занимаетъ меня? Ты полагаешь, что я потѣшаюсь надъ публикой? Мой бѣдный Іосифъ, по-вѣрь мнѣ, — нѣтъ человѣка подъ солнцемъ, который былъ бы ей болѣе несносенъ,